

## ЗИГЗАГИ КУРСА РАПАЛЛО ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БЕРЛИНСКОГО ДОГОВОРА

П. В. Макаренко

*Воронежская государственная лесотехническая академия*

Поступила в редакцию 7 июня 2010 г.

**Аннотация:** в статье показано, что после заключения Берлинского договора интерес германских деловых и военных кругов к сотрудничеству с СССР заметно ослаб. Вступление Германии в Лигу наций и «гранатный скандал» выяснили пределы такого сотрудничества. К концу 1927 г. обе стороны получили возможность использовать альтернативных партнеров и начали переосмысление и пересмотр отношений не только в политической и торгово-экономической сферах, но и в вопросах секретного военно-технического сотрудничества. **Ключевые слова:** давление советской дипломатии; взаимные претензии и недоверие; ликвидация совместных с рейхсвером предприятий; переосмысление двусторонних отношений; снижение интереса к курсу Рапалло.

**Abstract:** in the article is shown that Berlin treaty making the interest of german business and military circles to cooperation with USSR has weakened visibly. Germany joining nations League and «grenade scandal» have made clear the limits of this cooperation. To the end of 1927 year both sides have got the opportunity to use the alternative partners and have begun reconsideration bilateral relations not only in political and tradeeconomic spheres, but in secret military-technical cooperation.

**Key words:** pressure of soviet diplomacy, mutual claims and distrust, elimination of compatible business with reihswer, recomprehension bilateral relations, lowering of interest to Rapallo course.

В советской историографии было принято считать, что в советско-германских отношениях был период (1922–1928 гг.) наиболее эффективного сотрудничества в рамках Рапалльского курса [1, с. 102; 2]. Рассекреченные в последние годы документы российских архивов подтверждают обратное: наличие трений и противоречий между СССР и Германией в этот период, которые значительно снижали эффективность духа Рапалло в обоюдных торгово-экономических, политических и военно-технических связях. Поскольку этот вопрос еще не был освещен в работах российских историков, мы предприняли попытку показать те негативные аспекты, которые тормозили развитие дружественных отношений между обеими рапалльскими партнерами после заключения Берлинского договора.

### Взаимные претензии и недоверие между рапалльскими партнерами

Торговый договор и экономические соглашения, подписанные в Москве в октябре 1925 г., и Берлинский договор (апрель 1926 г.) соответствовали экономическим и политическим интересам СССР и Германии и открывали новые возможности сотрудничества. Советская сторона

надеялась на постоянную германскую финансовую поддержку в виде крупных займов и долгосрочных кредитов для осуществления взятого XIV съездом ВКП(б) в декабре 1925 г. курса на форсированную индустриализацию. Однако немецким банковским консорциумом первоначально была выделена не вся сумма ожидаемого 300-миллионного кредита, а только 120 миллионов марок, т.е. меньше половины обещанного [3, л. 107]. И даже эту часть кредита использовать оказалось довольно затруднительным из-за сжатых сроков реализации, нерасторопности и бюрократической волокиты московских ведомств. Полпред Н. Крестинский сообщал в Москву о неутешительных результатах: «Из 120 миллионного кредита только 80 миллионов марок могут быть использованы нами для четырехлетнего кредита... использовать двухлетние кредиты полностью мы не собираемся» [4, л. 0433]. Несмотря на вполне реальный срыв использования выделенных немцами денег, Политбюро ЦК ВКП(б) требовало от советских дипломатов проведения переговоров с германским правительством об увеличении торгового кредита.

В отличие от банковских кругов, скептически воспринимавших необходимость дополнительного финансирования СССР, промышленный

капитал Германии был склонен пойти навстречу советской стороне, увеличив сумму кредита до 300 миллионов. Н. Крестинский 19 октября 1926 г. сообщал из Берлина замнаркома иностранных дел М. Литвинову о решении германского правительства расширить кредит до конца года со 120 миллионов до 230 миллионов марок (из них 140 миллионов предоставлялось сроком на 4 года и 90 миллионов марок – на 2 года) и резюмировал, что «этот кредит является для СССР недостаточным» [3, л. 59]. В то же время он был обеспокоен невозможностью использовать до конца 1926 г. всю сумму кредита, так как при всех своих возможностях СССР мог освоить всего 130 миллионов марок из предоставленных 230 миллионов. Невыдача заказов на оставшиеся 100 миллионов давала возможность немецким промышленникам утверждать, что советское хозяйство настолько слабое, что не может использовать полностью германский кредит.

Ситуация складывалась скандальная, московское руководство приняло все меры давления на ВСНХ и заинтересованные в заказах наркоматы, чтобы дополнить советские заказы. Однако при всех принятых Москвой экстренных мерах использовать до 1 января 1927 г. оставшиеся 100 миллионов марок оказалось невозможным. Выход из создавшейся ситуации был найден министром народного хозяйства Ю. Курциусом и канцлером В. Марксом, которые дали согласие на продление германского кредита на 3 месяца, т.е. до 31 марта 1927 года. Однако советское руководство сочло эти сроки слишком короткими. Полпред Н. Крестинский признавал, что СССР, для которого первоначальные суммы кредита казались недостаточными, не сможет даже при условии его пролонгации использовать всей суммы, особенно это касалось двухлетнего кредита. Из всей суммы 90-миллионного двухлетнего кредита Советским Союзом были сделаны заказы лишь на 18 миллионов марок, что заведомо обрекало советскую сторону на невыполнение своих обязательств перед Германией [4, л. 0504, 0434–0433].

Во время визита в Германию в первой декаде декабря 1926 г. Г. Чичерин поставил перед канцлером В. Марксом вопрос о долгосрочном советском займе для дальнейшего развития экономических отношений после исчерпания германского кредита. В займе наркому было отказано; по поручению В. Маркса Г. Штреземан заявил о преждевременности постановки этого вопроса, который не мог быть рассмотрен германским правительством до урегулирования репарационных проблем [4, л. 0505]. Немецкая

сторона надеялась на пересмотр, оказавшегося непосильным для Германии плана Дауэса, предполагавшего уплату репараций странам-победительницам наличными деньгами. Этим германское правительство мотивировало свой отказ от предоставления каких-либо займов не только СССР, но и другим странам.

Советская сторона не воспринимала всерьез заявления правительства и МИД Германии о невозможности оказания Советскому Союзу постоянного многомиллионного кредитования в поддержку гигантских планов индустриализации. Так, Г. Чичерин, сообщая в письме наркому внешней и внутренней торговли А. И. Микояну о результатах бесед с влиятельными немецкими политиками и дипломатами, заявлял, что «у Германии деньги есть, но она не хочет их показывать в данный момент». Наркому показался явно двусмысленным намек Г. Штреземана на то, что якобы «уже в 1927 году может наступить момент, когда можно будет говорить (с немцами. – П. М.) о долгосрочном займе» [5, с. 562]. Н. Крестинский, знавший трудности финансового положения Германии, был более категоричен и ставил перспективы дальнейших переговоров с Германией в зависимости от размещения советских заказов в других странах и получения от них кредитов. По мнению полпреда, «это будет давить на немцев, ибо покажет им, что на них свет клином не сошелся» [6, л. 3]. Такие заявления подтверждают, что советская сторона не учитывала сложности внешнеполитического и внутриполитического положения своего рапальского партнера, требуя от него порой невозможного.

Немецкая сторона не скрывала своего недовольства тем, что кредиты, предоставленные советскому правительству, еще не привели к ожидаемым результатам. Особенно неприятными для немцев были официальные заявления влиятельных политиков и лидеров ВКП(б) о том, что Советский Союз ни в каком посредничестве не нуждается и намерен свое экономическое развитие сделать независимым от Германии. В то же время московское руководство, явно противореча само себе, заявляло о претензиях к немецким экономическим кругам, которые якобы не проявляли достаточного интереса и желания работать с Советской Россией. Между тем германский капитал занимал видное место в советской концессионной политике. Одна треть иностранных концессий в СССР были немецкими, на их оборудование и оснащение было израсходовано более 50 миллионов долларов. Немецкие концессионеры не только не получали ожидаемых прибылей в СССР, но даже

разорялись, в то время как от советской стороны звучали нарекания в их адрес, что германские концессии «сильно спекулятивны» и направлены «против советской власти» [7, S. 161]. Недовольство немцев вызывало также ущемление советскими властями на Кавказе прав германских концессионеров и привлечение к спорным марганцевым концессиям английских и американских фирм. Сомнение в возможности работать в России все больше укреплялось в немецких деловых кругах; росло убеждение, что советское правительство, используя их капиталы, не учитывает экономические интересы германских концессионеров. В особенно трудном положении оказалась концессия «Мологалес», являвшаяся одним из самых крупных немецких предприятий в СССР. Ее банкротство произошло по вине советской стороны, выделившей «Мологалесу» лесные угодья с не пригодной для обработки древесиной, в результате чего фирма понесла большие убытки. Попытки бывшего канцлера Германии Й. Вирта – председателя наблюдательного совета АО «Мологалес» – разрешить проблему банкротства наталкивались на пассивное отношение советского руководства, считавшего своим долгом лишь привлечение германского капитала в Россию и уклонявшегося от финансовой помощи «Мологалесу». Советская сторона явно игнорировала заявление Й. Вирта о том, что «если «Мологалес» прекратит свою деятельность, это будет иметь непредсказуемые последствия, как для обеих стран, так и за рубежом» [8, с. 59]. «Мологалес» не был исключением – в подобном положении оказались и другие германские концессии.

Укрепление дружественных отношений между СССР и Германией тормозилось противодействием немецких властей амнистии руководителя «германской ЧК», агента Разведупра РККА В. Скоблевского. Военный министр О. Гесслер и главнокомандующий рейхсвера генерал Х. фон Сект высказывали опасение, что после амнистии Скоблевского новые русские эмиссары будут осуществлять свою подрывную пропагандистскую деятельность в Германии [7, S. 187]. Руководство МИД, со своей стороны, полагало, что если предлагаемый советской стороной обмен В. Скоблевского на арестованных в СССР немцев не будет проведен, то приговоры в процессах над последними в Москве будут особенно жестокими. Все это, по мнению МИД, могло привести в конечном счете к утрате политического значения Берлинского договора и привести к негативным экономическим последствиям [7, S. 187]. Кроме того, в связи с арестом представителя «Юнкерс» Шолля возникла угроза оглас-

ки военного сотрудничества рейхсвера и Красной Армии, что могло бы скомпрометировать Германию перед вступлением в Лигу наций.

Колебания в этом вопросе привели к тому, что 19 июля 1926 г. кабинет министров принял решение о формальном политическом помиловании Скоблевского. Однако О. Гесслер резко выступил против такого решения и грозил отставкой, считая, что нельзя прощать преступника, участвовавшего в подготовке в 1923 г. свержения законного германского правительства. Помилование Скоблевского, по мнению военного министра, могло оказать негативное влияние на рейхсвер, и поэтому Гесслер предложил пойти на крайние меры – прекращение военного сотрудничества с СССР [7, S. 135–136]. Против взаимной амнистии В. Скоблевского и арестованных в СССР немцев выступил и Г. Штреземан. В письме канцлеру В. Марксу от 22 июля он заявил о своем несогласии с амнистией Скоблевского, так как «это дает повод Пуанкаре ... для лишения нас доверия в Лиге... Вся наша политика может быть поставлена на карту» [7, S. 142]. Затруднения, возникшие в связи с амнистией Скоблевского, были разрешены президентом Германии П. фон Гинденбургом, который считал необходимым по политическим соображениям пойти навстречу советскому правительству. 12 августа на заседании кабинета министров было подтверждено решение о помиловании Скоблевского, и 20 августа Гинденбург подписал соответствующий указ.

Берлин пошел на компромисс с Москвой ради сохранения дружественных связей с Советским Союзом. После Берлинского договора немецкая сторона старалась не обострять отношений с большевистским руководством, надеясь на его «добрую волю». Германский рейхстаг в конце ноября принял решение об отмене процесса над членами ЦК КПГ (В. Пик, Г. Эберлейн, В. Штеккер, А. Эверт и др.), принимавшими участие в 1923 г. в подготовке вооруженного переворота. К концу 1926 г. был урегулирован и вопрос о снятии запрета на демонстрацию советского кинофильма «Броненосец Потемкин», в котором немецкие социал-демократы и правые партии усматривали большевистскую пропаганду революции в Германии [4, л. 0324–0334]. Эти уступки с немецкой стороны были реакцией на исключение Г. Зиновьева из состава Политбюро ЦК ВКП(б) и Исполкома Коминтерна. Уход с политической арены самого одиозного члена ЦК ВКП(б), доставлявшего немецким правящим кругам немало хлопот и волнений и побуждавшего немецких коммунистов и рабочих к свержению республиканского строя Веймар-

ской Германии, рассматривался немецкими политиками и дипломатами как победа «умеренного» крыла в ВКП(б) во главе с И. Сталиным над экстремистской оппозицией (Г. Зиновьев, Л. Троцкий) и начало нового этапа в советской внешней политике на пути к соглашению с капитализмом.

Нарком Чичерин отмечал, что «в настоящее время германская политика направлена по благоприятному для нас руслу» и считал необходимым использовать Германию в геополитических интересах СССР в Монголии и Манчжурии. При этом присутствие немцев в Манчжурии рассматривалось наркомом как своего рода «плотина» против японской экспансии. Что касается Ближнего Востока, то в этом регионе Чичерин не рассчитывал на поддержку немцев, принимая во внимание, что «немцы, к сожалению, привыкли идти в фарватере англичан» [9, л. 17].

Между тем устранение советского правительства от судьбы «Мологалеса», невнимание к претензиям бывших владельцев марганцевых концессий на Кавказе, затянутый по вине советской стороны вопрос о германском транзите на Ближний Восток через территорию СССР не стимулировали немецких банкиров и промышленников к «сотрудничеству», предлагаемому Г. Чичериным. Вдобавок советская сторона в связи с предстоящим вступлением Германии в Лигу наций проявляла недоверие к внешней германской политике, опасаясь сближения немцев с Польшей, Англией и Францией.

Недовольство советской внешней политикой проявляли и немецкие дипломаты. В конце августа статс-секретарь МИД фон Шуберт был возмущен поведением советской стороны, нарушавшей дух Берлинского договора и не информировавшей германское правительство о предстоящих советско-польских переговорах по поводу заключения предложенного Москвой Варшавского договора о ненападении и нейтралитете. Ранее в беседах с Брокфорд-Ранцау Г. Чичерин и М. Литвинов уверяли германского посла, что Советский Союз не намерен предлагать Польше подписание этого договора. Существенное возражение у немцев вызывал не сам договор, а факт ведения переговоров между СССР и Польшей, о которых, согласно Берлинскому договору, советское правительство должно было заблаговременно уведомить германскую сторону. Отказ Польши от рассмотрения предложения Советского Союза убедил МИД Германии в том, что это предложение было «ловким и целесообразным маневром» советского правительства, хотя и сохранялись некоторые сомнения, что последнее, очевидно, было готово вступить

в соглашение с Польшей без ведома Германии [4, л. 0376]. Показное разыгрывание «польской карты» вызывало в германском МИД настороженность по отношению к советской внешней политике.

Усилия МИД и немецкой делегации в Женеве в начале сентября были направлены на достижение принятия Германии в Лигу наций и получение постоянного места в Совете Лиги. Успех немцев в Женеве, по оценкам советских дипломатов, был «незначителен». Вопрос о сокращении срока оккупации Рейнской области в Женеве не ставился. Был достигнут лишь компромисс, что в демилитаризованной зоне не останутся никаких контрольных комиссий. Для разрешения указанных выше проблем Германии было необходимо сближение с западными державами. После принятия Германии в Лигу наций немецкие правящие круги стали все больше придерживаться курса на сближение со странами-победительницами с целью урегулирования своих проблем: снижения суммы репарационных выплат, вывода оккупационных войск и разрешения вопроса о восточных границах.

Для Москвы неурегулированность германо-польских отношений представляла важное военное-политическое значение. Сохранение спорных и неразрешенных вопросов между указанными странами гарантировало, по мнению советского руководства, безопасность западных границ Советского Союза и подавало надежду на возможность сохранения Германии как реального союзника в «польском вопросе».

В Москве настороженно восприняли неожиданную отставку генерала Х. фон Секта и ожидали изменений в военном сотрудничестве с рейхсвером. Поводом для отставки Секта послужил поднятый немецкой прессой шум о причастности генерала к приему на службу в один из кавалерийских полков рейхсвера старшего внука Вильгельма II, крон-принца Фридриха Вильгельма Гогенцоллерна. Уход Секта, считавшегося врагом Антанты и сторонником восточной ориентации, облегчал немецкой правящей элите сближение с Францией, и история с Гогенцоллерном пришлась как нельзя кстати. По политическим соображениям кабинет министров и Гесслер пожертвовали Сектом в угоду сторонникам прозападного направления в германской внешней политике.

#### **Разоблачение секретного военно-технического сотрудничества**

Положение германского правительства осложнилось в результате публикаций 3 и 6 декабря 1926 г. влиятельной английской газетой «Манчестер Гардиан» серии статей о секретном



военном сотрудничестве между рейхсвером и Красной Армией, в которых сообщалось о существовании на территории СССР построенного немецкой фирмой «Юнкерс» авиационного завода, производившего военные самолеты для армий обеих стран; о строительстве в Советском Союзе химического завода по производству отравляющих газов с участием германских и советских экспертов. «Манчестер Гардиан» также сообщала о переговорах офицеров рейхсвера, которые приезжали в Москву по фальшивым документам, с представителями советского военного ведомства, об информированности обо всем происходящем бывшего главкома рейхсвера генерала Секта, поддерживающего дружественные связи с командным составом РККА.

«Масла в огонь» добавили и немецкие социал-демократы. По материалам «Манчестер Гардиан» их газета «Форвертс» 4, 5, 6, 7 декабря выступила с серией статей, содержащих резкую критику секретного военного сотрудничества между рейхсвером и Красной Армией. «Форвертс» подчеркивала, что «Москва поставляет оружие рейхсверу, чтобы подавлять в Германии революционное движение» и в то же время «подстрекает немецких рабочих на выступление против пулеметов, начиненных русскими боеприпасами». С особым сарказмом газета вопрошала: «Не были ли ружья, стрелявшие в рабочих и коммунистов в Саксонии, Тюрингии и Гамбурге заряжены русскими пулями?» [7, S. 399–400]. Большой резонанс в немецкой и зарубежной печати вызвала статья в «Форвертс» «Советские гранаты для рейхсвера», послужившая поводом для шумной кампании в германской прессе, продолжавшейся до конца декабря 1926 г.

#### Переосмысление и пересмотр отношений между Москвой и Берлином

Поскольку долгое время скрываемая от немецкой и зарубежной общественности информация о военных связях РККА и рейхсвера уже больше не являлась секретной, военное ведомство Германии, опасаясь дальнейших разоблачений и политических последствий, заявило Г. Чичерину о намерении прекратить строительство химического завода отравляющих газов в Иващенково, проводимого в СССР с участием концерна «Штольценберг». Немцы не хотели оставаться ни покупателями продукции этого завода, ни в качестве его совладельцев [7, S. 425–426]. Вопрос о строительстве авиазавода в Филях отпадал сам собой, так как обе стороны уже договорились о его ликвидации. Сохранялось строительство в СССР заводов по производству тракторов (и танков соответственно), про-

водимое фирмами «Рейнметалл» и «Крупп» и не ставшее объектом разоблачений.

Москва отрицала факт существования секретного военного сотрудничества с германским рейхсвером. Отрицала его и советская пресса, хотя «Правда» от 16 декабря 1926 г. практически подтвердила правильность сообщений «Манчестер Гардиан», признав производство германскими фирмами в СССР аэропланов, пушек и снарядов. При этом газета отрицала наличие военного союза между советским и германским правительствами, подчеркивая, что такой союз никогда не существовал. В ответ на «гранатную» травлю СССР, поднятую немецкими социал-демократами, та же «Правда» 5 января 1927 г. упорно отрицала факт поставки оружия из СССР в Германию, сопровождая свои комментарии нелестными характеристиками немецких социал-демократов, называя их «берлинскими социал-Иудами» и «лизоблюдами английского империализма». Такой оскорбительный тон вызвал протест германского посла Брокдорф-Ранцау, который потребовал от А. Рыкова, М. Литвинова, руководителя пресс-отдела НКВД Ф. Ротштейна прекращения критики социал-демократов и освещения советской прессой других тем [8, S. 19–20].

Назревавший конфликт между военными ведомствами подтверждал отсутствие доверительных отношений. Было заметно, что интерес германских военных кругов к сотрудничеству с СССР к концу 1926 г. заметно ослаб. Возросшие взаимные претензии: немцев – по поводу игнорирования коммерческих интересов германских фирм в СССР, отсутствия финансовой поддержки нормальных условий их деятельности, приведших к банкротству фирм «Юнкерс» и «Берсоль»; советской стороны – к поставкам немецкими фирмами некачественной продукции (непригодных авиационных моторов и военного оборудования); завышенным ценам на военные самолеты и другую военную технику – всё это требовало изменения форм военно-технического сотрудничества.

К этому времени Германия в качестве базы для развития своей авиации начала использовать Францию, военный флот – Англию, артиллерии – Норвегию. Немцы создавали нелегальные военные базы в Финляндии, Испании, Голландии, Аргентине. Усиливалось военное сотрудничество с Чили (флот, авиация, гидроавиация, газовое дело), а также с Турцией [11, с. 195]. Всё это подтверждало заметный рост тенденции в германском военном ведомстве к сужению сферы военного сотрудничества с СССР и размещению немецких военных баз в других странах.

В своей записке, направленной в Политбюро ЦК ВКП(б) и Сталину 31 декабря 1926 года И. Уншлихт ставил вопрос о необходимости пересмотра взаимоотношений РККА с рейхсвером. В записке подчеркивалось, что советское правительство осуществляло это сотрудничество с целью привлечения германского капитала к делу повышения обороноспособности страны и поэтому пошло на создание секретных военных баз Германии на своей территории. Однако сотрудничество в этой области себя не оправдало, так как советская сторона получала от немцев оборудование, пригодное к использованию только после большой доработки [4, л. 0334–0332]. Уншлихт негативно охарактеризовал деятельность совместных с рейхсвером предприятий: фирму «Берсоль», авиазавод в Филях, фирму по производству пулеметов Драйзе, отметив лишь практическую значимость для РККА липецкой авиашколы и танковой школы в Казани. Замнаркома РВС предлагал И. Сталину и Политбюро отказаться от дальнейшего совместного создания с рейхсвером военно-промышленных предприятий и ориентироваться на изучение тактики и оперативного опыта рейхсвера путем посылки офицеров генштаба РККА на военные игры, маневры рейхсвера и т.д. Он рекомендовал продолжать совместную работу в танковой и авиационной школах, а также по авиационным испытаниям.

Постановлением от 13 января Политбюро санкционировало ликвидацию совместных с военным министерством Германии предприятий, но высказывалось за сохранение при этом прежних добрососедских отношений с рейхсвером [12, л. 8]. На принятии такого решения сказывалось опасение московского руководства оказаться после разоблачительной кампании в зарубежной прессе перед возможностью репрессивных мер со стороны Англии и Франции. «Предприняв инициативу прекращения военного сотрудничества, – отмечает С. Горлов, – Москва пыталась лишить Лондон и Париж повода «наказать» СССР и удержать Берлин в русле легальной рапальской политики» [11, с. 205]. Кроме того, шумное изобличение секретных военных связей сказывалось на авторитете германского рейхсвера. Он терял свою притягательную силу для Москвы и не мог, как прежде, оказывать влияние на внешнюю политику Германии.

В Берлине, напротив, рождалась идея «легализации» дальнейшего военно-политического сотрудничества с Москвой. В течение января–февраля 1927 г. немецкие правительственные круги обстоятельно обсуждали этот вопрос на секретных совещаниях с участием представите-

лей военного ведомства и министерства иностранных дел. Берлин, как и Москва, признавал необходимыми ликвидацию компрометирующих германское правительство договоров о строительстве авиазавода в Филях, химзавода «Берсоль» и прекращение производства боеприпасов в СССР для рейхсвера. В этом планы немецкой стороны совпадали с интересами советского руководства. Зато руководству генштаба и рейхсвера представлялось важным сохранение летной и танковой школ, поскольку авиация и танки «в любой будущей войне будут играть решающую роль» [10, S. 140–141]. Г. Хильгер – советник германского посольства – писал в своих воспоминаниях, что, несмотря на отказ от компрометирующих Германию форм военного сотрудничества с Советским Союзом, «Берлин и не думал прекращать прежней политики». Более того, «все... начиная от Штресемана, были полны решимости не только в том же объеме продолжать военное сотрудничество, но и – пусть очень осторожно – интенсифицировать его» [13, S. 198].

Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о прекращении военно-технического сотрудничества с Германией было скорректировано лишь после окончания разоблачительной кампании о «советских гранатах» в немецкой прессе. 24 февраля 1927 г. Политбюро изменило прежнюю формулировку, признавая необходимость продолжения военного сотрудничества с немцами, но только в легальной форме [14, л. 7].

На рубеже 1926–1927 гг. произошел перелом в советско-германском сотрудничестве. Вступление Германии в Лигу наций и «гранатный скандал» выявили реальный предел такого сотрудничества, которое к началу 1927 г. подверглось пересмотру и изменениям. С переходом на легальные формы военно-технические контакты между обеими сторонами постепенно шли на убыль. С уходом активных творцов такого сотрудничества (Ленин, Троцкий, Вирт, Сект) у советского руководства постепенно нарастало сомнение в возможности укрепления обороноспособности Советского Союза с помощью финансово-технической поддержки Германии. С включением Германии, а затем и СССР в мировую политику обе стороны получили возможность использовать альтернативных партнеров и начали переосмысление двусторонних отношений не только в военной, но и в политической и торгово-экономической сферах. Сугубо прагматический подход Берлина и Москвы к обоюдному сотрудничеству ставил под вопрос судьбу курса Рапалло, который к концу 1920-х гг. стал терять для обеих сторон свою политическую и практическую значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухоруков С. Р. Советско-германские отношения 1917–1933 гг. в освещении советской историографии / С. Р. Сухоруков // Ежегодник германской истории. 1972. – М., 1973. – С. 397–420.
2. Сухоруков С. Р. Западногерманская буржуазная историография советско-германских отношений 1917–1932 гг. / / С. Р. Сухоруков. – М., 1976.
3. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 5. – Оп. 6. П. 6. – Д. 13.
4. АВП РФ. – Ф. 0165. – Оп. 4. – П. 130. – Д. 181.
5. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). – Т. IX. – М., 1964.
6. АВП РФ. – Ф. 09. – Оп. 2. – П. 15. – Д. 27.
7. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (ADAP) : Aus dem Archiv des auswärtigen Amts. Serie B : 1925–1933. – Göttingen, 1967. – Bd II/2: Juni bis Dezember 1926.
8. Дух Рапалло : советско-германские отношения 1925–1933. – Екатеринбург; М., 1997.
9. АВП РФ. – Ф. 082. – Оп. 9. – П. 22. – Д. 1. – Л. 17.
10. ADAP. Serie B. – Bd IV. – S. 19–20.
10. Горлов С. А. Совершенно секретно : Альянс Москва–Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР–Германия) / С. А. Горлов. – М., 2001. – С. 195.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 611.
13. Hilger G. Wir und Kreml. Deutsch – sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten / G. Hilger. – Frankfurt a/M., 1964.
14. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 621.

Воронежская государственная лесотехническая академия

Макаренко П. В., кандидат исторических наук, доцент

E-mail: [vglta@vglta.vrn.ru](mailto:vglta@vglta.vrn.ru)

Тел.: 53-70-70

Voronezh State Forest Engineering Academy

Makarenko P. V., Associate Professor, Candidate of the Historical Sciences

E-mail: [vglta@vglta.vrn.ru](mailto:vglta@vglta.vrn.ru)

Tel.: 53-70-70